

Юлия Беринг

ПЛЕННИЦА
ШАХМАТНОГО КОРОЛЯ,

Ты хотел сделать меня
своей послушной пешкой!

Юлия Беринг

**Пленница шахматного короля.
Ты хотел сделать меня
своей послушной пешкой!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Пленница шахматного короля. Ты хотел сделать меня своей послушной пешкой! / Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я приехала в элитную шахматную академию по гранту. Мечтала стать чемпионкой. Но Марк Вольский, жестокий наследник шахматной империи, разгромил меня на первом турнире и отказался пожать руку.— Случайная фигура. Ты не стоишь моего времени! После его унижения меня обвинили в мошенничестве, лишили стипендии и выгнали в холодный подвал. А потом я узнала правду. Отец Марка приказал уничтожить мою карьеру, потому что боялся моей победы! Сам Марк всё знал. И молчал. Но они забыли одно. Я умею просчитывать чужие ошибки. Теперь я вернусь за шахматную доску, разоблачу их грязную игру и поставлю мат всей империи наследника! Пешка больше не подчиняется королю.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Юлия Беринг

Пленница шахматного короля. Ты хотел сделать меня своей послушной пешкой!

Глава 1

У стойки регистрации я трижды переложила паспорт из руки в руку. Обложка стала влажной. Рядом с паспортом лежало грантовое письмо. Я ждала, пока администратор — мужчина с глазами цвета мутного стекла — методично отводил взгляд от моего лица.

— Рекомендация куратора, — произнес он монотонно, будто это было не требование, а приговор. — Без подписи декана факультета вас нет в списке. Следующий.

Мое горло перехватило спазм. Три месяца я ела одну гречку, чтобы купить этот билет в Петербург. Чтобы доказать, что шахматы — это не игра для пенсионеров, а математика боли и скорости. А теперь меня блокирует кусок пластика и бумаги.

— Там ошибка, — тихо сказала я, чувствуя, как к щекам подступает жар унижения. — Я прошла отбор по рейтингу. Данные есть в базе.

Администратор уже тянулся за телефоном следующего студента. Его пальцы были сухими, чистыми, уверенными. Мои — дрожащими.

В этот момент тень упала на стол. Тихо, почти незаметно.

— Она в реестре лиги прошлого года, — раздался голос слева. Спокойный, чуть хриловатый. Даниил Соловьёв. Он даже не смотрел на администратора, листая список на планшете. — Алиса Ковалёва. Игровой номер 402-Б. Пропустите её.

Администратор моргнул. Перевёл взгляд на Даниила, затем на меня. В его глазах мелькнуло раздражение, но авторитет координатора сборной работал лучше любого скандала.

— Ладно. Проходите.

Я выдохнула так, будто из лёгких вынули пружину. Даниил коротко кивнул мне, не улыбаясь, и растворился в толпе. Он знал мой номер. Даже я помнила его только по грантовому письму. Хотелось догнать и спросить, откуда, но администратор уже махнул мне: проходи.

Игровой зал был огромен и холоден. Хрустальные люстры резали глаза блеском, а воздух звенел от шепота сотен студентов. Я шла к своей доске, чувствуя спиной взгляды. Они оценивали моё старое пальто, мои стоптанные ботинки, мою сутулость.

— Ой, бедняжка, — голос Виктории Ланской прозвучал прямо над ухом. Она остановилась рядом, идеально прямая спина, безупречная укладка, аромат дорогих духов, который ударил в нос сильнее табачного дыма из курилки. — Ты уверена, что это твой размер? Платье... ну, скажем так, оно больше подходит для столовой в общежитии, чем для турнира «Золотая клетка». Может, одолжить тебе шарф? Или хотя бы тушь подправить? Тебе будет стыдно смотреть на себя после матча.

Она улыбалась. Глаза не смеялись. За её плечами стояли две подружки, хихикая в кулаки. Это была не забота. Это был тест. Проверка на прочность перед тем, как сломать окончательно.

Я молча отвела взгляд. Руки сами собой сжались в кулаки, ногти впились в ладони до боли. Не реагировать. Сосредоточиться. Они хотят увидеть страх. Им нужен мой провал как развлечение.

Я села за доску. Черные фигуры ждали. Белый король Марка Вольского стоял напротив, но сам хозяин ещё не появился. Зал загудел громче.

Марк вошёл, когда судья уже объявил начало партии. Он не поздоровался. Не посмотрел на меня. Просто сел, развернув стул немного боком, и достал телефон. Экран подсветил его лицо — холодное, с высокими скулами и губами, сжатыми в тонкую линию презрения.

Даже сделав первый ход белыми, он не убрал телефон. Судья предпочитал смотреть на часы, а не на его вторую руку, скролившую ленту новостей. Равнодушие было его оружием. Если он победит меня, даже не глядя на доску, это подтвердит мою никчёмность.

«Нет.»

Я посмотрела на свои руки. Пальцы всё ещё дрожали, но внутри вспыхнуло ледяное спокойствие. Эту позицию я разбирала десятки раз. Я знаю каждый ловчий ход, каждую ловушку в эндшпиле. Он думает, что я пешка? Пусть так.

Я ответила агрессивно, предлагая пешку в центре ради темпа.

Марк наконец поднял глаза. На секунду. В них мелькнуло удивление, быстро сменившееся усмешкой. Он ответил ходом и щелкнул часами.

Партия началась.

Первые двадцать минут я держала его в напряжении. Моё давление было хаотичным, непредсказуемым, как шторм. Зал затих. Кто-то из зрителей начал перешёптываться: «Кто она такая?» Марк перестал крутить телефон. Он выпрямился, положив локти на стол. Теперь он смотрел на меня. Внимательно. Холодно.

Его контратака пришла внезапно. Классическая связка ферзя и ладьи, которую я видела тысячу раз в архивах, но никогда не встречала в живой игре против такого уровня. Мой мозг завис. Сердце пропустило удар. Пот залил виски.

Я просчитала варианты. Один шаг влево — мат через три хода. Шаг вправо — потеря качества.

Я выбрала третий вариант. Тот, который казался ошибкой.

Но я ошиблась в расчёте на один темп.

Марк сделал ход конём. Ферзь оказался под боем. Зал ахнул. Это был звук разочарования, смешанный с злорадным предвкушением краха. Я смотрела на доску, где чёрная фигура моей королевы была обречена. Как я сама.

Марк улыбнулся. Уголками губ. Хищник, почуявший кровь.

Он добил партию за пять ходов. Мат.

Тишина в зале стала физической стеной. Я слышала своё дыхание, рваное и мокрое. Судья поднялся, объявляя результат. Все смотрели на нас. На проигравшую девчонку из провинции и капитана команды.

Я встала. Ноги гудели, колени подгибались, но я выпрямила спину. Протянула руку. Обычное рукопожатие. Форма вежливости.

Марк не двинулся. Он сидел, откинувшись на спинку стула, и смотрел на мою протянутую руку так, будто там ползал червяк. Затем он взял микрофон ведущего, который стоял рядом, и повернулся к залу.

— С ней играть — значит терять время, — его голос был ровным, бархатным и жестоким. Раздавался из колонок, разносясь по каждому углу. — Случайная фигура на доске. Не стоит внимания.

Слово «случайная» повисло в воздухе. Грязное. Обидное. Толпа заржала. Негромко, но зло. Кто-то свистнул.

Щёки горели огнём. Хотелось кричать, плакать, исчезнуть. Ноги отказывались слушаться. Я стояла посреди зала, выставленная напоказ, как экспонат неудачи.

Я нащупала в кармане телефон и включила диктофон: после микрофона Марка больше не хотела оставаться с их словами один на один.

Рука легла мне на плечо. Мягкая, тёплая. Виктория.

— Бедная девочка, — прошептала она, ведя меня к выходу. Её пальцы впивались в ткань моего пальто, словно когти. — Иди сюда. Не плачь. Мы всё исправим.

Мы прошли мимо рядов зрителей. Головы поворачивались вслед. Я чувствовала их взгляды на спине, как ожоги. Виктория вела меня уверенно, почти таща за собой, пока мы не скрылись в тени коридора, ведущего к лестнице.

Дверь закрылась. Тишина ударила по ушам.

Виктория отпустила моё плечо. Её лицо мгновенно изменилось. Улыбка исчезла, и она перестала притворяться, что рада меня видеть.

Она шагнула ближе, так близко, что я почувствовала запах её помады — дешевой синтетической вишни.

— Если ты хоть раз упомянешь этот инцидент ректору, или жалобной комиссии, или кому-либо из преподавателей, — прошипела она, и её голос стал тихим, но от этого более страшным, — я сделаю так, что тебя вышвырнут из колледжа до конца недели. Ты никому не нужна, Ковалёва. Даже если ты выиграешь все турниры мира, ты останешься грязью под нашими подошвами. Поняла?

Я кивнула. Горло свело спазмом.

Она отвернулась и ушла, каблук гулко простучали по мрамору. За поворотом Виктория кому-то позвонила. Я замерла у стены: до меня донеслись фамилия Соловьёва и приказ подложить листы ему в рюкзак. Диктофон всё ещё работал.

Я осталась одна в холодном коридоре. Стены давили. Я достала телефон. Баланс карты: 432 рубля. Следом пришло уведомление ректората: стипендия заморожена до проверки жалобы о подкачках Соловьёва. Её подали ещё во время партии. До финала три недели — и именно к нему обещают решение. Три недели голода и стыда.

Я прислонилась лбом к холодной стене. Слезы потекли сами, горячие и солёные. Хотелось написать домой. Папе. Сказать: «Я вернулась. Я слабая».

Но в голове снова зазвучал голос Марка. «Случайная фигура.»

Щелчок. Внутри меня что-то переключилось. Не надежда. Не обида. Ярость. Ледяная, расчетливая ярость.

Если они считают меня случайной, значит, они не видят стратегии. Для них я шум, помеха, ошибка системы.

Я стерла слезы рукавом. Достала блокнот, который всегда носила в кармане, и ручку.

На чистой странице блокнота я начала восстанавливать ходы. Каждый ход Марка, который привёл к моему поражению. Каждую ошибку Виктории, которая пыталась меня запугать. Каждую деталь их игры.

Я буду тренироваться в тени. Я стану тем элементом, который они не смогут просчитать.

Я сунула блокнот в карман пальто и вышла из зала, не оглядываясь на доску, где ещё стояли расставленные фигуры. Вечерний Петербург встретил меня мокрым ветром с Невы.

Комната в общежитии была размером со шкаф. Окно выходило на глухой двор, где валялись мусор и ржавые велосипеды. Я сидела на полу, поджав ноги, и перечитывала записи.

За окном выл ветер. Петербургская ночь пахла мокрой глиной, бензином и чужим богатством, которое я никогда не смогу себе позволить. Вдалеке, за крышами, светились окна элитных квартир. Там праздновали победу другие. Там пили шампанское те, кто считал меня ничтожеством.

Я встала и открыла форточку. Холодный поток воздуха ударил в лицо, остужая воспаленные щеки. Я смотрела на город, мерцающий огоньками, и шептала в темноту, обращаясь не к ним, а к себе:

— Я запомню каждый ваш ход. И когда я вернусь, вы будете молчать.

Где-то внизу хлопнула дверь. Свет в комнате мигнул и погас, оставляя меня в абсолютной темноте. Я нашарила телефон и включила фонарик. До поражения у меня был лишний темп. Вот его и надо было найти.

Глава 2

Столовая колледжа «Санкт-Петербург» пахла дорогим кофе, свежей выпечкой и горячим маслом с кухни. На соседнем столе оставили почти целую булку; я старалась на неё не смотреть. Я сидела за самым дальним столиком, прижавшись спиной к холодному бетону стены, как будто пытаюсь слиться с ним. Передо мной лежал мой ужин: черствый батон из супермаркета на углу, намазанный тонким слоем маргарина. Жир осел на пальцах, липкий и противный, но я ела медленно, отламывая кусочки помельче, чтобы хватило надолго.

Вокруг кипела жизнь. Девушки в кашемировых свитерах обсуждали новую партию шампанского для вечеринки в честь победы Вольского. Парни с умными часами тыкали в планшеты, анализируя статистику лиги. И все они смотрели на меня. Не прямо — это было бы слишком грубо для элиты. Они смотрели краем глаза, шептались, прячась за бокалами. Официантка, отказавшаяся недавно принести мне воду без студенческого билета со статусом «актив», прошла мимо, демонстративно обходя мой столик, словно там лежала чумная крыса.

Я проглотила последний кусок хлеба. Горло сжалось от комка, но не от еды. От унижения. «Еще», подумала я, проводя языком по пересохшим губам. «Запомни этот вкус.»

— Аля? Ты тут?

Голос был сладким, как приторный сироп, и таким же ядовитым. Виктория Ланская. Она возникла из ниоткуда, скользя по полу в туфлях на высоком каблуке, которые звучали как часы обратного отсчета. Прежде чем я успела дернуться, она плюхнулась на стул напротив, схватила мою руку и начала громко всхлипывать, хотя на её идеально уложенных волосах не было ни единой выбившейся пряди.

— Это ужасно! Просто ужасно! Как они могли заморозить тебе стипендию за какую-то бумажку? Я плакала весь день, Аля! Весь день!

Она достала платок из кружева и попыталась вытереть мне щёку. Там не было слез. Только жир от маргарина.

— Не трогай меня, — прошипела я, резко одергивая руку. Платок упал на стол, испачканный маслом.

Зал замер. Десятки голов повернулись в нашу сторону. Вика не отступила. Наоборот, она придвинулась ближе, её лицо исказилось гримасой ложного сострадания, а глаза остались холодными, как льдинки в водке.

— Ты ведешь себя неадекватно, — зашептала она, и только я могла расслышать каждое слово. — Если ты сейчас же не прекратишь этот цирк, я напишу ректору о твоей психической нестабильности. Тебя выселят из общежития сегодня же. Куда ты пойдешь, Аля? Под мост?

Мои пальцы сжались в кулак до побеления костяшек. Гнев ударил в голову, горячей волной смывая страх. Но вдруг тень легла на наш стол. Высокая, уверенная, пахнущая табаком и сандалом.

Марк Вольский остановился рядом. Он даже не посмотрел на Вику. Его серые глаза, такие же пустые, как шахматная доска перед матом, скользнули по мне.

— Осторожнее, Алиса, — произнес он своим бархатным басом, достаточно громко, чтобы слышал каждый в радиусе пяти метров. — Иногда спасатели топят быстрее врагов.

Он развернулся и ушел, оставив после себя запах опасности и звенящую тишину. Виктория улыбнулась, победно блеснув зубами, и вернулась к своей игре в жертву.

«Он видит», — пронзило меня внезапное озарение. Марк видел манипуляцию. Он знал, кто настоящий хищник в этой комнате. Но он не вмешался. Почему? Из садизма? Или... потому что ему нужна была пешка на поле?

— Мне нужно кое-что доказать жюри, — сказала я, поднимая взгляд на Вику. Мой голос дрожал, но я контролировала его. — Твои связи в администрации... могут помочь?

Глаза Виктории вспыхнули азартным огнем. Рыбка клюнула.

Вика не заставила себя упрашивать. Она уже мысленно водила меня по закрытой зоне — хозяйка, показывающая птице клетку изнутри.

VIP-зона библиотеки пахла старой бумагой, пылью и секретностью. Здесь хранились архивы партий за последние двадцать лет, закрытые для обычных студентов. Вика привела меня сюда, гордо расправив плечи, словно демонстрировала личный трофей.

— Чтобы получить доступ, тебе нужно написать заявление, — сказала она, доставая из сумочки блокнот и ручку. — Чистосердечное признание. Что ты действительно списывала стратегию у Даниила Соловьева. Признай свою слабость, Аля. Это единственный способ вернуться в игру. Ректор любит таких... послушных.

Я взяла ручку. Кончики пальцев дрожали, но не от страха. От нетерпения.

— Хорошо, — кивнула я.

Я начала писать. Почерк был ровным, аккуратным, почти детским. Текст выглядел как типичное раскаяние провинциальной девочки, загнанной в угол системой. Но в каждой фразе я закладывала двойное дно. Со стороны — раскаяние. Но вместо признания списывания я описала, какие именно архивные партии разбирала. С датами и номерами. Пусть попробуют выдать изучение дебюта за тайную подсказку во время игры: в заявлении будет написано другое.

— Вот, — я протянула листок. — Теперь ты довольна?

Вика забрала бумагу, пробежала глазами и довольно хмыкнула.

— Умница. Ты начинаешь понимать правила игры.

Заявление она сунула в сумочку, как квитанцию об оплате. Но библиотекой дело не закончилось: Вика ждала от меня ещё и доказательств сломленности — слёз на камеру, пролитых уже в её комнате.

Номер Виктории в общежитии напоминал витрину магазина модной одежды. Зеркала повсюду, белые розы в вазах, мягкий ковер, в котором вязли мои стоптанные кроссовки. Она заперла дверь на защелку. Щелчок прозвучал выстрелом.

— Давай поплачем вместе, — предложила она, включая запись на телефоне. — Расскажи всем, как тебе тяжело. Как ты готова на всё ради стипендии.

Я села на край кровати и начала имитировать истерику. Хныканье, всхлипы, закрытое лицо руками. Вика удовлетворенно кивала, снимая видео крупным планом. Её пальцы ловко крутили телефон, выбирая ракурсы.

Я опустила руки и сказала, что её угрозы в коридоре записаны; копия уже в облаке. Вика выключила камеру и подошла ближе, её лицо исказилось злобой.

— А теперь удали этот файл из облака. И признай, что документы подделаны тобой. Иначе эти фото увидят все твои однокурсники. И твой отец в деревне тоже узнает, что его дочь — мошенница и наркоманка, которая устраивает сцены в номерах богатых девочек.

Истерика мгновенно исчезла. Я подняла голову. Глаза были сухими и холодными.

— Ты забыла одну вещь, Вика, — тихо сказала я.

— Что именно?

— Что я не просто играю в шахматы. Я изучаю логику системы.

Я достала свой старый смартфон, экран которого треснул по диагонали. Нажала кнопку воспроизведения. Голос Виктории, четкий и циничный, заполнил комнату: «...подложи эти листы в его рюкзак во время перерыва. Соловьев не заметит, а Ковалева уже сломается от стресса...»

После турнира я включила диктофон ещё до того, как Виктория увела меня в коридор. Она пригрозила мне, ушла и заговорила по телефону за поворотом. Я осталась у стены. Запись продолжалась.

Лицо Виктории побелело.

— Удали это, — прошептала она. — Немедленно.

— Файл уже отправлен в защищенное облако, — ответила я, спокойно глядя на неё. — Автоотправка через час, если я не отменю её из комнаты. Или... я могу оставить его там навсегда. Выбор за тобой.

Вика зарычала, как раненое животное, и метнулась ко мне. Она попыталась вырвать телефон из моих рук. Мы столкнулись. Она стиснула моё свободное запястье, ногти впились в кожу; другой рукой тянулась к телефону. Боль была острой, физической, но я не сопротивлялась силой. Я вытянула руку с телефоном вверх, за её спину. Вика дёрнула меня за другое запястье; я шагнула вслед, удерживая смартфон вне её досягаемости.

— Ты думаешь, что сильная, — задыхаясь, процедила она. — Но ты всего лишь временная помеха.

— Помехи иногда ломают механизм, — ответила я.

Она оттолкнула меня и рухнула в кресло, прикрыв лицо руками. Плечи тряслись. Не от слез, а от бессилия.

Я выскользнула из её комнаты, пока Вика не очнулась от истерики. В коридоре никто не взглянул на меня дважды — синяки на предплечьях я спрятала под рукавами.

Я вернулась в свою каморку. Стены здесь были тонкими, а отопление работало через раз. На столе лежал ноутбук Даниила Соловьева. Он ждал меня.

Даниил сидел на подоконнике, перебирая струны гитары. Увидев мои синяки на предплечьях, он замер.

— Вика? — спросил он тихо.

— Нет, — я закрыла дверь на замок. — Система.

— Алиса, я могу помочь юридически...

— Мне не нужна твоя защита, Даниил. Мне нужен твой доступ к серверу клуба. Прямо сейчас.

Он вздохнул, открыл крышку ноутбука и повернул экран ко мне.

— Зачем? Ты хочешь проверить мои данные?

— Хочу посмотреть, кто стоит за приказом убрать меня.

Пальцы Даниила нервно барабанили по клавиатуре. Он вводил пароли, открывал зашифрованные папки. Экран моргнул, загружая интерфейс администратора. Я ожидала увидеть архивы партий или личные сообщения игроков.

Вместо этого на экране появилась папка «Корпоративные интересы». Внутри — переписка отца Марка, владельца колледжа, с ректором академии.

Я кликнула на последнее письмо. Дата: сегодня. Время: 14:00.

«Устраните Ковалеву до финала. Её модель ломает нашу статистику прибылей. Если она победит, спонсоры пересмотрят контракты. Марк должен остаться капитаном любой ценой. Даже если придётся пожертвовать репутацией нескольких студентов».

Холод пробежал по спине. Это не была зависть Виктории. Это была бизнес-стратегия. Моё умение видеть структуру игры, моя интуиция — они были угрозой не для людей, а для денег. Для огромных, грязных денег, замешанных на ставках и контроле лиги.

Марк знал об этом? Или он тоже был фишкой в этой партии?

Экран ноутбука внезапно погас. Черный квадрат зеркала отражал моё бледное лицо.

В темноте комнаты раздался стук. Даниил захлопнул ноутбук. Я повернула ключ и открыла дверь. На пороге стоял посыльный из клуба: Марк Вольский требовал меня к себе. Сейчас. Я спрятала телефон с записью в карман и пошла за ним.

Глава 3

Запах сигаретного дыма и старой, пыльной бумаги ударил мне в нос, стоило переступить порог кабинета Марка Вольского. Это было не место для жизни — это была крепость из красного дерева и чужого богатства. Тусклая настольная лампа выхватывала из полумрака только один предмет: доску с расставленными фигурами. И его.

Марк сидел за столом, спиной ко мне. В тёмном оконном стекле отражались и дверь, и я: он видел, как я остановилась на пороге. Он не повернулся. Просто сказал в пустоту:

— Хватит прятаться в библиотеке, Ковалёва. Я знаю, что ты там делаешь. И если ты думаешь, что можешь строить из себя жертву обстоятельств, пока Даниил прикрывает твои «тайные тренировки», то ошибаешься.

Мое сердце пропустило удар. Секрет дрогнул. Я развернулась к двери, пальцы уже сомкнулись на ледяной ручке, но голос Марка остановил меня не просьбой, а приказом.

— Сядь. Или я звоню ректору прямо сейчас. Тебя вышвырнут отсюда до утра, и ты никогда больше не коснешься шахматной доски. Ни здесь, ни где-либо ещё.

Угроза повисла в воздухе, тяжелая и осязаемая, как свинцовая гиря. Блеф? Я видела его отражение в темном стекле окна. Его лицо было непроницаемым камнем. Он блефовал так уверенно, что это становилось реальностью. Медленно, против воли каждого нерва в теле, я отпустила дверь. Ноги гудели от напряжения. Я обошла стол и села на жесткий стул напротив него. Прямой взгляд. Ни капли покорности, только холодный расчет загнанного зверя.

Марк наконец повернулся. Его серые глаза казались почти черными в тусклом свете. Он молча придвинул к себе доску.

— Условие простое, — произнес он низким бархатным голосом, который раньше вызывал у меня мурашки отвращения, а теперь — липкий страх. — Ты будешь играть со мной каждую ночь. До победного конца. Или пока я не решу, что ты полезна. Отказ означает мгновенную аннуляцию стипендии. Ты же голодала три дня перед турниром, верно? Помнишь вкус этой воды из кулера?

Я сжала челюсти так, что заныли зубы. Отказ равносителен смерти. Не физической, конечно, но социальной. А для таких, как я, это хуже. Я кивнула, не проронив ни слова. Марк начал расставлять фигуры. Белые для себя. Черные для меня.

И тогда я увидела это.

Его пальцы, длинные и бледные, дрожали. Едва заметно, почти незаметно глазу, но для шахматистки, привыкшей читать движения соперника как открытую книгу, это был крик. Дрожащий белый король упал на доску с тихим стуком. Марк не поднял его сразу. Он смотрел на свои руки с выражением тихого ужаса, прежде чем снова надеть маску абсолютного контроля. Это не была власть. Это был нервный срыв, замаскированный под игру.

Он сделал первый ход. Пешка e4. Классика. Агрессия.

— Детская ошибка провинциалки, — пробормотал он, когда я ответила симметрично. — Ты думаешь слишком медленно. Твой мозг засыпает в тишине этого города. Проснись.

Тишина кабинета давила на уши. Только щелчки фигур и шорох бумаги. Марк играл быстро, агрессивно, пытаясь сломать меня психологически. Каждый его комментарий был гвоздем, забитым в гроб моего самоуважения. «Тупик». «Зевок». «Случайность». Но я молчала. Я смотрела на доску. И постепенно, сквозь слой страха и унижения, начала видеть паттерны.

Марк не был холодным тактиком. Он был хаотичен. Он делал ошибки там, где должен был просчитывать варианты на десять ходов вперед. Его игра была похожа на танец раненого животного — красивая, но предсказуемая в своей боли. Страх внутри меня начал трансформироваться. Он превращался в профессиональный интерес. Я не жертва. Я наблюдатель.

В этот момент дверь скрипнула. Виктория Ланская вошла, не постучав. Она держала в руках два стакана кофе, парующих дорогими зернами. Ее улыбка была безупречной, как реклама зубной пасты.

— Марк, я принесла тебе твой любимый эспрессо, — пропела она, игнорируя мое присутствие так, будто я была частью мебели. Она подошла ближе, поставила стакан ему, а затем протянула руку к блокноту, лежавшему рядом с моей рукой. Там были мои пометки. Живые, рабочие заметки о его слабых местах.

— Ой, Алиса, ты еще тут? — Виктория взяла мою ручку, которую я использовала для записи ходов. — Зачем тебе писать? Ты все равно проиграешь. Давай, отдай. Это лишняя трата времени для капитана.

Я не выпустила ручку. Мои пальцы побелели от усилия. Я посмотрела на Викторию, потом на Марка. Я ждала удара. Ждала, что он поддержит свою королеву, посмеется надо мной.

Но Марк даже не поднял глаз от доски.

— Виктория, — его голос был ровным, но в нем звучал металл. — Не мешай работе. Если ты не способна молчать, иди в коридор. Здесь не клуб для светских сплетен.

Тишина стала оглушающей. Виктория замерла, ее лицо исказилось от шока и унижения. Никто, никогда не говорил ей так. Она отпустила мою ручку, словно обожглась, и вышла, хлопнув дверью так, что задрожали стекла в шкафах.

Марк продолжил игру, как будто ничего не произошло. Но воздух в комнате изменился. Он защитил меня не из доброты. Он защитил свой инструмент. Я принадлежала ему. Эта мысль была горькой, как желчь.

Мы закончили одну партию и начали следующую. Марк давил всё сильнее.

— Пройграй мне, Алиса, — вдруг сказал он, не глядя на меня. — Специально. Ошибись на десятом ходу. Мне нужно почувствовать вкус победы перед отцом. Он не понимает, что такое настоящая игра, если нет крови.

Это было требованием капитуляции. Он требовал, чтобы я сама испортила свою игру. Он напоминал мне о том, кто я: бедная девочка из провинции, которая должна быть благодарна за то, что вообще находится в этом кабинете. За то, что имеет право дышать одним воздухом с ним.

Я посмотрела на доску. После нескольких ходов король Марка оказался в ловушке. Формально, он мог бы уйти, но если я сделаю этот ход...

Нет.

Не ради его отца. Не ради его комфорта.

Я сделала контратакующий ход ферзем. Глубоко в позицию. Жертвенный, рискованный, красивый. Шах.

Марк замер. Его рука зависла над доской. Он не двигался несколько секунд, которые тянулись как вечность. Потом он резко встал, схватил доску и швырнул её на пол.

Фигуры разлетелись по паркету с громким треском. Белый король покатился к стене.

— Ты посмела?! — рычание вырвалось из его груди. Он оказался рядом со мной быстрее, чем я успела моргнуть. Его пальцы сжали мое запястье, впиваясь в кожу. Он прижал меня к стене, его тело нависло надо мной, заполняя собой всё пространство. Запах табака, дорогого одеколona и мужской ярости ударил мне в лицо.

Его близость была пугающей. Интимной до тошноты. Я чувствовала биение его сердца через ткань рубашки, частое и сбивчивое.

— Объясни, почему ты посмела обыграть меня? — прошипел он, его лицо находилось в сантиметрах от моего. В его глазах плясали искры настоящего бешенства.

Я не отвела взгляд. Я не закрыла глаза. Я посмотрела прямо в эти серые бездны и сказала тихо, но четко:

— Потому что ты боишься проиграть не мне, а себе.

Его хватка ослабла. На долю секунды его лицо исказилось не от гнева, а от узнавания. От того, что я попала в самую точку, которую он скрывал годами. Я выдернула руку из его пальцев и начала собирать фигуры с пола. Колени дрожали, но я заставляла себя двигаться ровно.

Когда я подняла последнюю пешку, Марк стоял неподвижно. Его грудь вздымалась. Вместо ожидаемого продолжения истерики или угрозы, он выдохнул. Длинно, тяжело, как человек, сбросивший камень с плеч.

— Ты видишь их, — сказал он. Не вопрос. Констатация факта. — Мои слепые зоны. Мои страхи.

Он вернулся к столу, сел, потирая виски.

— Сделка, Алиса. Ты учишь меня видеть эти ошибки. Ты становишься моим зеркалом. А я гарантирую твою безопасность. Я верну тебе стипендию через теневые каналы, которые отец не контролирует. Но цена...

Он поднял на меня взгляд. Тяжелый, собственнический.

— Цена в том, что ты принадлежишь только мне. Ты не играешь с другими. Ты не тренируешься с Даниилом. Ты мой секрет. Мой инструмент.

Я приняла сделку. Но мысленно добавила пункт, который он не мог прочесть: я буду изучать его слабости не ради его спасения. Я буду точить свое оружие о его броню. Мы больше не хищник и жертва. Мы соучастники преступления против системы, которая нас создала.

Марк молча снял с крючка свою куртку. Она пахла дорогим табаком, кожей и властью. Он набросил её мне на плечи. Ткань была тяжелой, теплой и чужой.

— В следующий раз я буду смотреть, как ты играешь с моим отцом, — шептал он, наклоняясь близко, так, что его губы почти коснулись моего уха. — И постарайся не умереть от страха.

Он выключил настольную лампу. Свет погас, оставив нас в полной темноте кабинета. В темноте я вцепилась в ворот его куртки. Хотелось вернуть её немедленно — и выйти на мороз я тоже боялась. Стипендия пока существовала только в его обещании.

Глава 4

Воздух в центральном зале шахматного клуба всегда пахнет лимонной полиролью и старым деревом, но сегодня он был пропитан чем-то более тошнотворным — ожиданием чужого позора. Я сидела за доской напротив Гриши, парня из третьего курса, который играл на уровне любителя в парке. Для меня это была не тренировка, а экзамен. Экзамен на выживание.

Гриша потянулся к моему ферзю. Его пальцы дрожали от азарта. В голове у меня щёлкнуло: «ловушка». Если он возьмёт фигуру, его король останется без защиты через три хода. Жертву ферзя новички считают ошибкой, а мастера умеют превратить в приманку. Я ждала. Моё сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот разорвёт рёбра.

— Берёшь? — спросила я тихо.

Гриша хмыкнул, уверенный в своей победе, и схватил ферзя. Он сделал ход конём, открывая линию атаки. Я уже поднимала руку, чтобы дать первый шах, когда над нами нависла тень.

— Стоп! Партия остановлена.

Судья-студент, парень с бегающими глазками и бейджиком Виктории на груди, резко ударил ладонью по столу. Доска содрогнулась, фигуры сдвинулись.

— Нарушение этики. Нечестная игра. У Алисы Ковалёвой нашли лист с нотацией стратегии соперника. Может, подброшенный, но факт есть факт.

Зал вздохнул. Не удивлённо. Разочарованно. Как будто они ждали этого момента весь час. Я почувствовала, как кровь приливает к лицу, оставляя на щеках горячие пятна стыда. Судья положил передо мной чужой лист с вариантом. Моего почерка там не было. Но для них он был уликой.

— Ты списываешь? — голос Марка Вольского прозвучал не громко, но он резал тишину, как скальпель.

Он подошёл к доске. Высокий, в идеально сидящем пиджаке, с холодными серыми глазами, которые смотрели сквозь меня, как сквозь стекло. Он не читал правила. Он игнорировал их. Марк наклонился, разбирая позицию, которую я только что построила.

— Посмотрите, — сказал он команде, которая начала собираться вокруг, как вороны на падаль. — Она жертвует ферзя. Гениально? Нет. Хаос, маскирующийся под гениальность. Она не видит глубины. Она просто бросает кости, надеясь, что выпадет шестёрка.

Насмешки были тихими, но ощутимыми. Кто-то фыркнул. Гриша отвёл глаза, чувствуя себя виноватым за то, что вообще играл со мной.

Марк выпрямился, глядя прямо мне в лицо. Ждал слёз. Ждал просьбы о пощаде. Ждал, что я стану той самой «случайной фигурой», которую он уничтожил на первом турнире.

Я закрыла рот. Внутри всё кричало, требуя оправданий, требуя объяснить, что я знала этот вариант лучше, чем сам чемпион мира. Мне хотелось выкрикнуть весь вариант сразу. Но они только и ждали, что я сорвусь, поэтому я заставила себя досчитать до конца.

Я посмотрела ему в глаза. Чёрные зрачки расширились, ловя отражение моей ярости.

— Твой разбор ошибочен на один темп, — произнесла я. Мой голос дрогнул, но не сорвался. — Если бы ты позволил партии доиграться до конца, ты бы увидел, что после взятия ферзя следует шах ладьёй по второй горизонтали. Мат неизбежен. А ты прервал её, потому что побоялся проиграть рядовому игроку, если бы сидел на месте Гриши.

Тишина упала такая плотная, что звенело в ушах. Зал замер. Даже Марк перестал дышать. На мгновение его маска идеального капитана треснула, обнажив нечто человеческое — растерянность. Но потом челюсть сжалась.

— Дерзость имеет цену, Ковалёва, — процедил он сквозь зубы. — Извинись. Публично. За то, что посмела сравнить себя с моим уровнем анализа.

Я не двинулась.

Тогда вмешалась Виктория. Она вышла из толпы, улыбаясь своей фирменной улыбкой «лучшей подруги». Её руки мягко легли мне на плечи, но хватка была железной.

— Марк, не надо драмы, — сказала она сладко, но её шёпот предназначался только мне. — Уйди. Сейчас же. Или завтра утром ты потеряешь грант. И стипендию. И возможность жить в общежитии. Тебе негде будет ночевать, Алиса. Подумай о здоровье.

Она подняла меня со стула и пыталась увести, как послушную овцу. Но я видела страх в её глазах. Страх перед тем, что моя правда разрушит её комфортную ложь.

Я стряхнула её руки. Резко. Грубо.

И села обратно.

Это был маленький жест, но в этом зале он звучал как выстрел. Команда переглянулась. Марк вспыхнул краской негодования, Виктория побледнела, теряя лицо королевы. Они ожидали подчинения, а получили неповиновение.

— Мы уходим, — бросил Марк, резко развернувшись. — И ты остаёшься одна.

Они ушли, хлопнув дверью так, что стекла в рамах задребезжали. Толпа последовала за ними, оставив меня наедине с доской, где стоял недоигранный мат.

Погас свет. Осталась только дежурная лампа над входом, дающая тусклый желтоватый круг на полу. Холод начал проникать в комнату. Отопление выключили. Это было частью наказания: изоляция и физический дискомфорт.

Я попыталась встать, чтобы уйти, но ноги отказались слушаться. Адреналин спал, оставляя после себя пустоту и озноб. Дверь скрипнула. Даниил.

Он вошёл, держа в руках стакан чая. Его лицо было бледным, глаза бегающими.

— Алиса... я слышал, что произошло. Это несправедливо. Я могу...

Он сунул мне сложенный лист: «Сохранение жилого места на время расследования». Я спрятала его в карман. Даниил поставил чай рядом с доской.

Шаги за спиной Даниила были тяжёлыми. Охранник академии, огромный мужик в форме, перехватил его за локоть.

— Идём, студент Соловьёв. Ректор хочет видеть тебя. Прямо сейчас. Помощь нарушителям дисциплины карается отчислением.

Даниил дёрнулся, хотел сказать что-то, посмотреть на меня, но охранник буквально вытолкнул его в коридор. Дверь захлопнулась. Щелчок замка прозвучал как приговор.

Я осталась одна. По-настоящему одна. Ни союзников, ни денег, ни будущего. Только доска и холод, который пробирался под куртку, облепляя кожу ледяными иглами.

Но внутри меня горел огонь. Тот самый, который я боялась потерять за последние дни унижений. Я достала блокнот. Карандаш соскользнул. Ловя его у сколотого края доски, я оцарапала подушечку большого пальца. На листе осталось красное пятно.

Прижала палец краем шарфа. Подождала, пока кровь остановится, и придвинула блокнот здоровой рукой.

Мне нужно было восстановить партию. Не для суда, не для команды. Для себя. Чтобы доказать самой себе, что я не бракованная деталь. Что я вижу то, чего не видят другие.

Холод становился невыносимым. Пальцы синели. Я обмотала руки шарфом, но ткань была тонкой. Карандаш снова соскользнул. Я посмотрела на край деревянной доски. Острый угол, сколотый кем-то в порыве гнева.

Положила карандаш поперёк стола, чтобы снова не уронить. Грифель сломался, но в обломке ещё хватало длины для записи. На чистые салфетки из кармана перенесла позицию и начала проверять каждую альтернативу. Палец ныл под шарфом. Я придерживала бумагу ладонью, стараясь его не задеть.

«e2-e4. d7-d5. e4xd5...»

Я работала два часа. Два часа боли, холода и почти болезненной ясности ума. Мир сузился до размера клетки на доске. Здесь не было места для жалости. Здесь была только математика и воля.

Когда я поставила последнюю точку, в дверях возник силуэт.

Марк.

Глава 5

Он не вошёл. Просто стоял на пороге, в полутьме. Его пиджак расстёгнут, воротник рубашки небрежно подвернут. Выглядел он уставшим. Человеческим.

Мы смотрели друг на друга через всю длину зала. Я не встала. Не поздоровалась. Продолжала писать обломком карандаша, хотя он уже натирал пальцы.

Марк медленно подошёл к столу. Остановился в метре от меня. Я чувствовала запах его парфюма — дорогое дерево и табак. И ещё что-то. Запах бессонницы.

Он посмотрел на мою окровавленную руку, на исписанные салфетки, на доску. Его взгляд скользнул по позиции. Он понял. Он видел тот мат, который я предсказала.

На его лице не было злости. Было странное, почти болезненное узнавание. Как будто он впервые увидел не врага, а равного противника. Или того, кто мог бы им стать.

Он ничего не сказал. Не потребовал извинений. Не назвал меня сумасшедшей.

Марк снял пальто. Тяжёлое, шерстяное, которое стоило больше, чем моя годовая стипендия. Он положил его на стол рядом с моими салфетками. Аккуратно. Почти почтительно.

Затем он развернулся и ушёл. Шаги удалялись, пока не растворились в гуле вентиляции.

Я сидела неподвижно ещё десять минут. Потом взяла пальто. Оно было тёплым. Хранило тепло его тела. Я натянула его на плечи, вдыхая запах чужой жизни, чужих проблем. И вдруг поняла, что дрожу не от холода.

Утро началось с того, что уборщик выбросил мои салфетки в мусорный бак, но пальто осталось. Я забралась в него до подбородка, чувствуя себя защищённой, хоть и обманутой. Когда я встала, чтобы уйти, из внутреннего кармана пальто выпал маленький предмет.

Чёрная USB-флешка.

Я подняла её. Металл был холодным, но быстро нагревался от моего пульса. Может, там были партии. Может, что-то совсем другое. Я спрятала её в карман.

Вернувшись в общежитие, я подключила флешку к своему ноутбуку. Открывался единственный файл — скан письма.

Дата: вчерашний день.

Отправитель: Дмитрий Вольский (отец Марка, основатель лиги).

Получатель: Ректор колледжа.

«...Ковалёва слишком опасна для имиджа проекта "Элита". Виктория должна получить место любой ценой, иначе спонсоры уйдут. Создайте прецедент дисквалификации. Пусть это будет выглядеть как нарушение правил. Марк знает план. Он должен сыграть роль злодея, чтобы Алиса сама захотела уйти. Если она останется — мы найдём способ убрать её физически...»

Я перечитала текст три раза. Каждый раз мир вокруг меня сжимался, превращаясь в клетку.

Марк знал. Он знал обо всём.

Его жестокость вчера, его насмешки, его требование извиниться — это не была ненависть. Это была попытка. Токсичная, извращённая, но попытка. Он хотел сломать меня раньше, чем система сломает мою жизнь окончательно. Он хотел, чтобы я исчезла добровольно, чтобы не попасть под пресс отца.

Он был соучастником. А письмо, оставленное в пальто, могло быть предупреждением. Одно другого не отменяло. От него я и защищалась — и у него же теперь просила ключ к архивам.

Я посмотрела на свои руки. На порезе подсохла тонкая корочка.

Страх ушёл. Вместо него пришла ледяная ясность. Теперь я знала их правила игры. Я знала, что они боятся не моей силы, а моей правды. И я знала, что Марк Вольский не всемогущ. Он такой же заложник этой машины, как и я. Только у него есть ключи.

Я улыбнулась. Впервые за этот адский день.

Теперь моя очередь делать ход.

Противник ответил быстрее, чем я успела сделать первый ход. Система ударила по самому простому — по тарелке.

Перед кассой я ещё надеялась, что карта сработает. Приложила её дважды, хотя красный крестик на экране уже всё объяснил. Я забрала студенческий билет и отступила, чтобы очередь могла пройти.

— Карта заблокирована, — голос девушки-кассира был монотонным, как тиканье метронома. Она даже не подняла глаз от сканера. — Статус «под подозрением». Доступ к бюджетному питанию закрыт.

Вокруг зашуршали пакеты с едой. Кто-то хихикнул. Звук был тонким, как игла, вонзающаяся в мою кожу.

— У вас есть наличные? — спросила она, наконец глянув на меня. В её взгляде не было сочувствия, только раздражение профессионала, чьё время крадут неудачники.

Я молча достала из кармана куртки мелочь. Тридцать пять рублей. Хватало ровно на стакан разбавленного чая и черствый сухарь из витрины «уценка».

— Чай и хлеб, — произнесла я. Голос дрогнул, но я заставила себя выпрямить спину.

Кассир презрительно фыркнула, набивая заказ. Когда я взяла поднос, пальцы едва не соскользнули с пластика. Сухарь был твердым, как камень, а чай — водянистым и остывшим. Но пока я жевала, чувствуя, как крошки царапают нёбо, внутри меня что-то щёлкнуло. Не сломалось. Закалилось.

Выходя из столовой, я столкнулась нос к носу с дежурным администратором общежития. Он был крупным мужчиной с лицом человека, привыкшего считать каждую минуту своего времени.

— Ковалёва, — его палец ткнул мне в грудь. — Ты нарушаешь условия временного приостановления обучения. Тебе предписано покинуть территорию кампуса до завтра. Иначе вызываю полицию за самовольное проживание.

Страх кольнул в висках. Полиция означала конец всему. Стипендия, грант, будущее — всё растворится в протоколе задержания.

Я медленно полезла во внутренний карман пальто. Пальцы дрожали, но я знала, где лежит эта бумажка. Даниил сунул её мне вчера, сказав: «На всякий случай. Просто покажи, если припрут». Я тогда не поняла смысла. Теперь поняла.

— Вот, — я протянула ему распечатанный скан приказа ректората о «сохранении жилого места на период расследования дисциплинарных нарушений». Подпись стояла корявая, печать слегка смазана, но для уставшего администратора в шесть вечера этого было достаточно.

Он прищурился, пробежал глазами текст. Его челюсть напряглась. Он хотел возразить, найти ошибку, но усталость взяла верх.

— Ладно. Но если замечу тебя в запрещённых зонах — пиши заявление на освобождение. Сама.

Он развернулся и ушёл, оставив меня стоять посреди коридора, слушая, как колотится сердце. Я выдохнула. Блеф удался. Адреналин начал отступать, оставляя после себя липкую слабость.

Лифт открылся на четвёртом этаже. Внутри пахло дезодорантом и дорогим табаком. Марк Вольский стоял спиной ко мне, глядя в зеркальные двери кабины. Его отражение поймало мой взгляд. Холодные серые глаза, безупречная осанка капитана сборной.

— Голод делает тебя более... предсказуемой? — спросил он, не поворачиваясь. Голос был тихим, бархатным, но каждое слово резало воздух.

Я замерла. Он заметил мои истощённые руки, мешки под глазами. Он искал реакции. Ждал страха, унижения или гнева. Ему нужно было подтверждение своей власти над моей жизнью.

Я молча вошла в лифт. Нажала кнопку первого этажа. Кабина тронулась. Марк не обернулся, но я видела, как его плечи чуть дёрнулись. Он ожидал слов. Получил тишину. Для него это было хуже любой ответной агрессии. Тишина означала, что я перестала быть объектом его насмешек и стала чем-то другим. Чем-то, чего он не мог просчитать.

Двери разъехались. Я вышла, не оглядываясь.

Глава 6

Вечер привёл меня в технический подвал библиотеки. Место, где пахло пылью, старым деревом и электричеством. Здесь не было камер. Здесь можно было дышать.

Даниил уже ждал. Он сидел на перевернутом ящике из-под книг, нервно крутя в руках стилус.

— Ты опоздала, — сказал он. Его лицо было бледным.

— Я была занята выживанием, — ответила я, подходя ближе.

— Алиса, слушай сюда. Завтра матч против команды Виктории. Нам нужен ход, которого нет ни в одной базе данных. Я знаю, ты можешь его найти. Но цена высока. Если ректорат узнает, что дисквалифицированный студент тренирует действующую команду... Тебя вышвырнут с позором. Меня отчислят.

Он поднял глаза. В них читалась мольба и расчёт одновременно.

— Или ты становишься моим теневым тренером, или я сдаю твоё местоположение сегодня же. Выбирай.

Я посмотрела на него. На этот его жалкий, расчётливый взгляд. Он не предлагал помощь. Он требовал рабства.

— Архивы, — сказала я.

Даниил моргнул.

— Что?

— Полный доступ ко всем архивам партий отца Марка. К текущим и к тем, что были изъяты из открытой сети пять лет назад. Там скрытая математическая модель. Та, которую Виктория пытается украсть сейчас. Если я дам тебе ход против неё, я хочу видеть источник. Всю цепочку.

Даниил побледнел ещё сильнее.

— Это... это опасно. Вольские контролируют серверы. Если нас поймают...

— Тогда нас поймают вместе, — я шагнула к нему, вторгаясь в личное пространство. — Давай, Даниил. Или я уйду, и ты проиграешь завтра всухую.

Он кусал губы так сильно, что на нижней осталась белая полоса. Секунда тянулась вечность. Наконец, он достал из рюкзака планшет и разблокировал его.

— Логин передам шифром. Через час.

Мы начали работу. Экран планшета светился синевой в полутьме подвала. Я быстро набирала ходы, сверяясь с таблицами комбинаций. Мой мозг работал на пределе, выстраивая логические цепочки, которые казались невозможными для стандартного анализа.

Внезапно я остановилась. В боковом окне браузера мелькнуло имя пользователя. Не моего. Чужого.

«Mark_Volsky_Admin».

Я кликнула. Папка «Переписка_Родительское_Собрание_2019».

Сердце пропустило удар. Это не часть стратегии матча. Это личное. Это грязное бельё семьи Вольских.

Я пролистала письма. Отец давил на Марка. Жёстко. Цинично. «Ты должен быть машиной, сынок. Эмоции — это слабость, которую используют враги».

— Что ты делаешь? — голос Даниила стал резким. Он выхватил планшет у меня из рук.

— Шпионаж, — произнёс он, глядя на экран. — Ты залезла в личные данные Марка. Это нарушение этики клуба. Это нарушение закона.

— Я ищу логику врага, — спокойно сказала я, забирая планшет обратно. — Посмотри на ход двенадцатый. Если ты сыграешь ферзем на e4, как предлагает классика, Виктория съест тебя через три хода. Но если ты пожертвуешь конём...

Я показала ему схему. Красную линию атаки, которая пробивала защиту соперницы.

— Это спасёт твою команду, — закончила я. — Моральные принципы не выигрывают партии. Выигрывает информация.

Даниил смотрел на схему, потом на меня. Его рот слегка приоткрылся. Он понял. Я не просто гений. Я опасна.

И тут свет мигнул.

Один раз. Два раза. И погас.

Подвал погрузился в абсолютную темноту, нарушенную лишь слабым свечением экрана планшета.

Тишина стала давящей.

Затем — звук. Шаги. Медленные, уверенные. По коридору снаружи.

Даниил схватил меня за руку. Его пальцы впивались в кожу.

— Патруль безопасности, — прошептал он, паника в его голосе была почти осязаемой. — Они найдут нас. Всё кончено.

Я прислушалась. Шаг был характерным. Ритмичным. Стук каблучков об бетон. Высокий, тонкий каблук.

Не патруль.

Виктория.

— Быстро, — я толкнула Даниила к шкафу с редкими изданиями. — Прячься. Не издавай ни звука.

Он послушался, скользнув в тесное пространство между книгами. Я выключила экран планшета. Темнота стала полной.

Дверь подвала скрипнула. Луч фонарика прочертил пыль в воздухе.

— Алиса? — голос Виктории был сладким, как яд. — Я слышала голоса.

Я не отвечала. Ждала.

Шаги приблизились. Свет фонаря упал на моё лицо. Я сидела на полу, облокотившись о стол, делая вид, что читаю книгу в темноте.

— Искала книгу по комбинаторике, — сказала я ровным голосом. — Библиотекарь разрешил остаться после закрытия.

Виктория подошла ближе. Её парфюм, тяжелый и цветочный, заглушил запах пыли. Она осмотрела комнату. Ни планшета (я успела засунуть его под куртку), ни следов Даниила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.